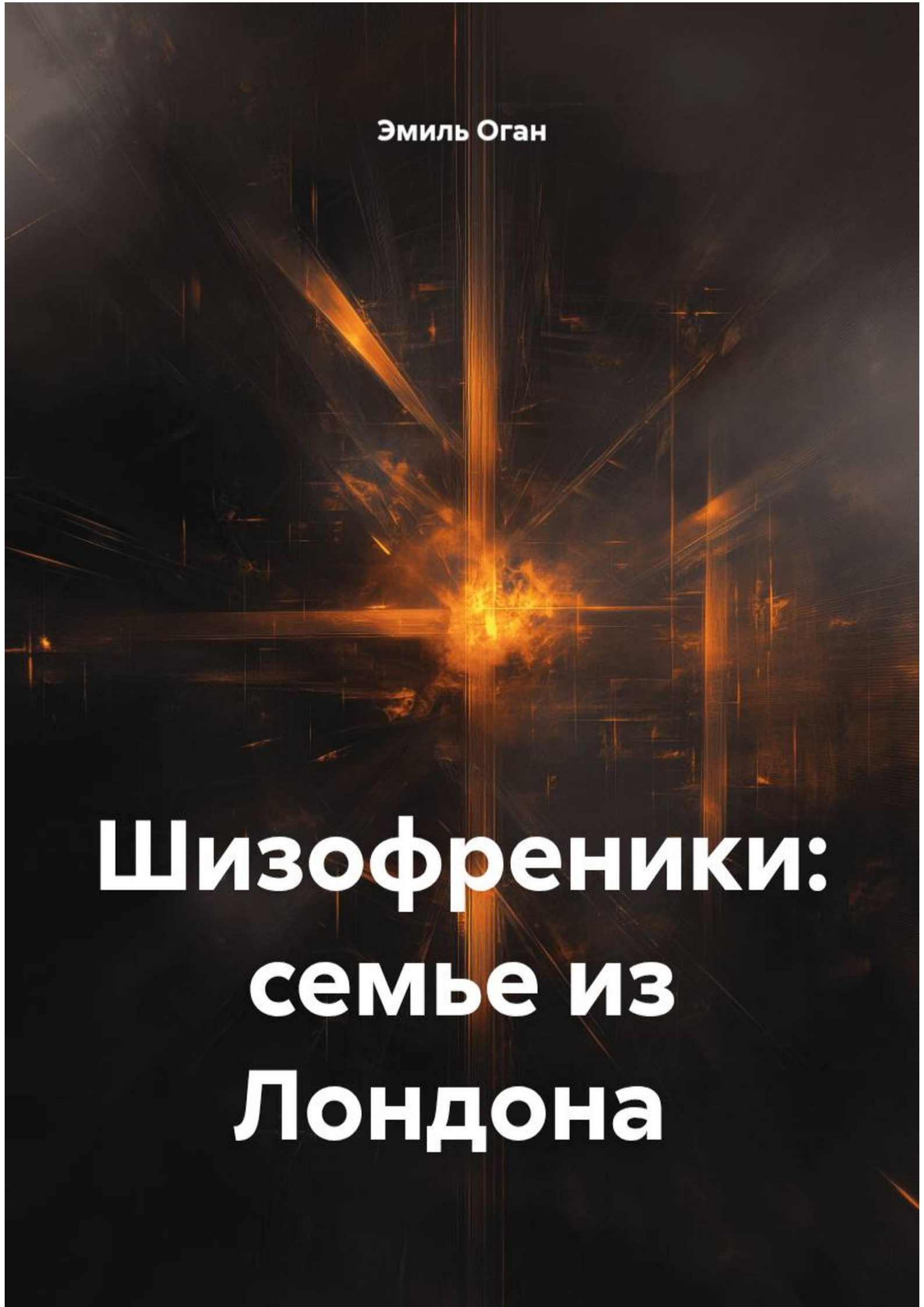

Эмиль Оган
Шизофреники: семье из Лондона

Эмиль Оган

Шизофреники: семье из Лондона

«Автор»
2026

Оган Э.

Шизофреники: семье из Лондона / Э. Оган — «Автор», 2026

«Шизофреники: Семья из Лондона» — это пронзительный психологический триллер о хрупкости человеческого разума, родительской любви и границах реальности, которые рушатся изнутри.

© Оган Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Галлюцинации Марка 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Эмиль Оган
Шизофреники: семье из Лондона

Галлюцинации Марка

Третий день на нашей проклятой планете большинство видит Невидимого, а я вижу огонь. Иногда из пламени выходят обгоревшие люди; иногда они пытаются говорить со мной, но слышны только крики. Порой у них получается что-то сказать — они жалуются и просят о помощи.

Я с детства мечтал стать пожарным и спасать жизни, но стал шизофреником, как и все на этой планете. С первых дней на любимой работе меня уверяли, что пожарные не боятся огня, и поэтому на нас лежит ответственность спасать людей во время пожара. К сожалению, мы не только спасали, но и видели тех, кого поглотило уничтожающее пламя. Я часто вижу обгоревшие лица и тела. Если в глазах мертвых еще остаются потускневшие краски, то у обгоревших — только черный цвет. Бывает, впрочем, что в глазных яблоках сохраняются и другие оттенки. К несчастью, я вижу только погибших, а хотелось бы увидеть тех, кого спас лично: кто улыбался и благодарил. В реальной жизни спасенные помогают работать, разжигают желание трудиться и не бояться огня.

В первый день шизофрении я был на работе. Для тех, кто еще не узнал из СМИ о массовом психозе, который проявился сначала на другом полушарии, в США, в общем зале провели инструктаж. Нам объявили, что мы тоже начнем видеть Невидимых и страдать психическим отклонением. Мне неизвестно, сколько сотрудников в том зале поддались галлюцинациям, но я оказался среди тех, кто увидел Невидимых, и попал в число отправленных домой после собеседования с психологом. Тех же, кто устоял, оставили выполнять работу.

Возвращаясь домой, я увидел другой Лондон: он превратился в огромный дом для душевнобольных. Люди громили город, но среди них были и те, кто смог сохранить частицы здравого смысла. Они отказались подчиняться галлюцинациям, призывающим наносить вред окружающим в этом проклятом мире.

Дети были в школе. В квартире я увидел Хиллари, которая общалась с невидимой девочкой — с той, которой так и не суждено было родиться. Хиллари сидела на диване и беседовала с малышкой по имени Айрин. Жена не заметила, как я пришел и стал наблюдать за ней. На полном серьезе она говорила сама с собой, то есть со своей галлюцинацией:

— Я люблю тебя, Айрин, и так ждала тебя…

В глазах жены стояли слезы, и вместо радости в них сквозила глубокая печаль. До этого момента я еще не видел неисчезающий огонь, а только тех, кого не смогли спасти. Лишь позже я понял, что где-то рядом всегда присутствовало пламя, предшествующее появлению Невидимых, погибших в пожаре. При виде этой картины полыхающий огонь открылся и моему взору: он горел в разных местах, будто прорываясь из другого мира. Иногда пламя полыхало без всякой опоры, словно в невесомости.

Я заметил появившийся огонь недалеко от жены и невольно застонал. И застонал я не потому, что испугался увидеть в огне Хиллари, а из-за мужчины, который внезапно возник возле пламени. Мне сначала показалось, что он темнокожий, но на самом деле он был полностью обгоревшим. Мужчина посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на Хиллари. Мой стон привлек её внимание, оторвав от беседы с несуществующей девочкой.

— Ты знаешь? — спросил я, не уточняя вопроса.

В ответ она лишь испуганно закивала, быстро опуская и поднимая голову. Было понятно: она разговаривает с той самой, не родившейся десять лет назад девочкой — с ребенком, который должен был стать нашим первенцем. Увидев понимание в её глазах, я направился в спальню, намереваясь немного поспать и набраться сил перед возвращением детей из школы.

Но в спальне, открыв дверцу гардероба, я увидел сидевшую внутри обгоревшую девочку. Она сжалась там, будто пряталась в тайном убежище. Малышка посмотрела на меня как на

родного человека — как на отца. Но вся она была покрыта сажей, а это значило одно: это была не моя не родившаяся дочка, а чужой ребенок, погибший в огне во время пожара.

— Нет, не уходи! — услышал я донесшийся из гостиной голос жены.

Я снова посмотрел на незнакомую девочку, после чего резко закрыл дверь гардероба. Но, постояв пару секунд, по непонятной причине решил открыть её снова — и увидел ту же девочку, только теперь она уже не была спокойной. Стены гардероба изнутри стали окрашиваться в багрово-красный цвет, будто пламя уже вовсю пожирало деревянную конструкцию с обратной стороны. С испуганным выражением лица она сумела отчетливо произнести:

— Вы спасете меня?

И через несколько секунд, широко раскрыв рот, издала громкий крик, похожий на завывание сирены.

Закрыв дверь гардероба, я прямо в одежде лег на кровать и уснул, окончательно смирившись с тем, что мне, как пожарному, суждено видеть именно такие галлюцинации. Во сне я бегал по ярко освещенному саду со своим двойником, одетым в такое же детское платьице. Из-за отсутствия зрелых, взрослых мозгов мы оба были абсолютно счастливы, но стоило мне осознать, что всё это ненормально, как я тут же проснулся.

Государственные службы в этот несчастный день решили сами развезти детей по домам, так что наши близнецы, Энни и Энтони, уже находились в своих комнатах. Слава Богу, детей не коснулись жуткие видения. Энтони лишь буднично поделился, что они открыли для себя Невидимых друзей, с которыми бывает очень интересно, а Энни назвала своего нового друга «умной девочкой».

Открыв глаза, я надеялся услышать привычные голоса родных, но в квартире стояла тишина. Я сел на кровать и заметил на стульчике возле туалетного столика жены пожилую женщину с обгоревшим телом. И хотя эта женщина вела себя смирно, я, помня о девочке из гардероба, каждую секунду ожидал от неё истошного крика.

— Господи... — прошептал я, внезапно вспомнив, что тело этой самой женщины я когда-то лично вытаскивал из полыхающего дома.

Наш главный капитан во время инструктажа в общем зале дал четкое напутствие: при встрече с галлюцинациями ни в коем случае не вступать с ними в диалог, чтобы не ухудшать свое психическое здоровье. Помня эти важные слова, я отвел взор и направился в гостиную, желая поскорее увидеть родных. Сын сидел на диване вместе с дочкой. Девочка молча смотрела на экран телевизора, а сын, заметив мое присутствие, заглянул мне в лицо и дважды повторил:

— Привет, папа. Привет, папа.

Увидев Энни, я понял, что малютка совсем не заинтересована мультиком. Она смотрела прямо перед собой — так, словно кто-то стоял рядом и говорил о чем-то важном или давал ценные указания.

— Энни, — обратился я к дочери.

Она посмотрела на меня, все еще прислушиваясь к кому-то, но успела ответить:

— Да, папа.

Я не знал, что сказать, и, растерянно глядя на дочку, задал первый попавшийся вопрос:

— А где мама?

— Спит, — ответил сын вместо нее.

На самом деле жена не спала, а сидела на кухне, погруженная в свою галлюцинацию. Я застал Хиллари на обычном стуле: она внимательно слушала пустоту — точно так же, как и в первый раз, когда я только вернулся домой.

— Ты здесь, — этими словами я привлек ее внимание.

— Да.

Хиллари рассказала мне о девочке, которая родилась мертвой и теперь хочет всегда быть рядом с матерью. Я взамен поделился своей галлюцинацией. Этим же вечером, по совету пси-

хологов, мы устроили семейный ужин и открыто рассказали друг другу, что именно каждый из нас видит. Дети заверили нас, что их невидимые друзья не опасны, и им совершенно все равно, настоящие эти новые друзья или нет.

Ночью шизофрения снова дала о себе знать. Для меня та девочка по-прежнему оставалась в шкафу, как и Айрин не покидала мою жену. Живя в этом тихом квартале Лондона, мы старались лишний раз не выходить из квартиры. По этой причине первый день я провел в постели. То ли во сне, то ли наяву в комнате появлялись обгоревшие люди, погибшие в огне. Они пристально смотрели на меня, а затем исчезали. Это были те, кого мы не смогли спасти, и подсознание навсегда запомнило их обугленные лица. Самым страшным был мужчина, чей левый глаз налился кровью, а правый выпятился наружу. Были и те, у кого вместо глаз в глазницах остались лишь жуткие наплывы кожи. Только приняв антидепрессант, я смог уснуть и вновь увидеть тот сон, где мы с братом-близнецом гуляли в цветущем солнечном саду.

Это был первый день, который я провел дома с семьей во время всеобщей шизофрении. Как глава семейства, я обязан был подумать о пропитании родных. В двенадцать тридцать я уже шел по нашей тихой улице Воксхолл в сторону универмагов и магазинов. Выйдя из дома на узкую улочку, я сразу заметил небуйных шизофреников: девочка лет десяти, возвращаясь, видимо, из школы, увлеченно беседовала с выдуманной подругой, а коренастый, мускулистый мужчина с крупной головой — настоящий боров с виду, хоть и невысокого роста — шел вперед, повторяя в пустоту: «Туда».

Ближайшие магазины оказались закрыты. Пересекая очередную улицу, я вглядывался в витрины и начинал нервничать. Преследующий меня красный цвет постепенно сгущался и разрастался перед глазами. Наконец на одной из узких лондонских улиц я увидел открытый магазин, где даже горели лампочки. Но стоило мне приготовиться к переходу дороги, как внутри здания вспыхнул яростный пожар. Поверив в эту галлюцинацию, я испугался за находящихся там людей, однако, заметив, что прохожие не обращают на бушующее пламя никакого внимания, я испугался уже за себя. Галлюцинаторный пожар и не думал исчезать после разоблачения; напротив, огонь разгорался всё сильнее. Выбор был невелик: либо уйти и оставить семью без еды, либо пересилить морок. Я сделал первые шаги, как вдруг за стеклом магазина прогремел мощный взрыв. Но вышедшая оттуда женщина с покупками вернула меня к реальности и заставила застыть на месте.

А затем появился мужчина. Он остановился посреди дороги по какой-то своей причине, совершенно не замечая машину, несшуюся по улице на огромной скорости. Прежде чем убить пешехода, автомобиль подбросил его, заставив взлететь и сделать сальто, словно тряпичную куклу. Свидетели замерли в шоке, но одновременно ощутили странное облегчение, когда поняли, что увидели реальную трагедию, а не очередную галлюцинацию.

Но это было только начало. В следующий миг кто-то выхватил пистолет и принялся стрелять в воздух, напугав лондонцев. Окружающие бросились врассыпную, ища укрытие. Я тоже спрятался, продолжая наблюдать за буйным шизофреником. Это был молодой парень с красивым лицом, в котором не было ни злобы, ни наглости. Он неистово кричал:

— Я убью зло! — эти слова исходили от юноши по имени Чарли, который обычно помогал пастору во время воскресных месс.

Я стал свидетелем того, как его светловолосая голова резко откинулась назад от пули, пробившей лоб; его глаза закрылись прямо перед выстрелом, будто ожидая этот удар. Тут я вспомнил, что парень — настоящий диакон церкви, куда мы с семьей ходим каждое воскресенье. Скоро там должна состояться месса, которая, конечно, соберет вдвое больше прихожан и служителей, но убитого юноши среди них уже не будет. Его выкрик «Я убью зло!» дал мне понять, какими именно были галлюцинации Чарли. Он открыл стрельбу сразу после того, как водитель сбил пешехода: для его поврежденного разума этот смертельный наезд стал очевидным преступлением, а преступление — это зло, такое же всепожирающее, как огонь.

Несмотря на катастрофу, свидетелям происшествия все равно нужно было добыть пропитание, и жители этого лондонского квартала устремились в магазин. В супермаркете оказалось полно посетителей. Многие из них вовсю советовались со своей шизофренией. Например, женщина лет тридцати — полноватая лондонская домохозяйка, похожая на тех девушек, что мечтают поскорее выйти замуж и забросить фигуру, — растерянно спрашивала у пустоты:

— Может, лучше купить хлопья?

Неподалеку женщина азиатской внешности громко, на весь магазин, звала невидимых детей, перемежая речь грязными ругательствами. Но это странное веселье резко оборвалось, когда мужчина средних лет, с виду женатый уже как минимум лет десять, устроил сцену возле отдела электроники. Он принялся неистово кричать:

— Нет, будет по-моему! Я прав! — а затем начал яростно колотить кулаками по воздуху.

Многие вокруг застыли в оцепенении, однако настоящий ужас охватил толпу, когда этот безумец схватил с витрины кухонный нож. Он стал кромсать им пространство вокруг себя с такими жуткими движениями рук, будто заживо уродовал чье-то лицо и тело. К счастью, буйного шизофреника быстро усмирили ударом электрошокера.

Очевидно, из-за подступившего волнения я и сам растревожил свою болезнь, которая тут же отозвалась новой галлюцинацией. Магазин больше не полыхал открытым пламенем, лишь где-то вдали, как обычно, мерцал багровый огонек, зато в цветастый универмаг, словно черно-белые кадры из старой киноленты, ворвались те, кого мог видеть только я — погибшие в огне. Первым показался обгоревший пожарный, сгоревший в свою ночную смену. Следом за ним с криками прибежали покрытые сажей дети лет семи, задохнувшиеся когда-то в дыму. Затем я увидел полицейского: его тело не пострадало от огня, но форменный китель местами сильно почернел. Появилась и пожилая седовласая женщина в ночной сорочке.

Мои видения не сразу двинулись ко мне. Обретя относительную свободу, они сначала решили побродить среди стеллажей и витрин. Нагулявшись по отделам супермаркета, мертвецы наконец направились в мою сторону. Они выстроились прямо передо мной и принялись глухо, утробно мычать с закрытыми ртами. Не выдержав, я бросился прочь, к кассам. Остановившись у ленты, я стал поспешно выкладывать покупки, мечтая лишь об одном — поскорее покинуть место, где разыгралось мое безумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.